Карцов А.С.

Римское частное право в зеркале идеологии русского консерватизма

[Stable URL: http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3409]

[Публикация работы:]
Карцов А.С. 2001: Римское частное право в зеркале идеологии русского консерватизма // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1 (8), 100-122.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

© А. С. Карцов, 2001

А. С. КАРЦОВ*

РИМСКОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО В ЗЕРКАЛЕ ИДЕОЛОГИИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Предметом настоящей статьи является попытка анализа восприятия римского частного права русской консервативной традицией[1].

Необходимо сразу же отметить, что в целом русский консерватизм трудно причислить к идеологиям, благоприятствующим принципам, заложенным в основу римского частного права (по крайней мере в том его виде, в каком оно реципировалось в России XIX в.). Выяснение проявлений и установление причин этой неприязни помогают не только уточнить идеологические особенности русского консерватизма, но и лучше понять культурологические и социально-философские характеристики восприятия в России самого римского частного права.

Хотя предметом рассмотрения данной статьи является не весь дореволюционный консерватизм, а тот хронологический этап его существования, который начинается временем «великих реформ» и завершается революциями 1917 г., но в целях показа генезиса русского консерватизма будут затронуты периоды, непосредственно примыкающие к верхней и нижней границе этого отрезка.

Известно, что консерватизм как идеология в отличие от либерализма или радикализма не имеет жесткой доктринальной основы. Будучи вызван к жизни исходящей от реформаторских или революционных учений опасностью, грозившей исконному укладу социально-экономической и политической жизни, консерватизм на протяжении всего своего существования принимает под свое покровительство все то, что на данный момент является антилиберальным и антирадикальным. Соответственно, в идейную орбиту консерватизма могут попадать элементы, отколовшиеся от либерализма и радикализма или не принадлежащие к ним в настоящую минуту. Ввиду сказанного набор того, что конкретно ставилось в вину римскому частному праву, непрерывно менялся. На смену прежним обвинениям приходили новые (иногда даже взаимоисключающего характера). Но непоследовательность эта была таковой с сугубо формально-логической точки зрения. С идеологической же – позиция консерваторов являлась, как это будет показано ниже, строго выдержанной.

В дореформенный период (вплоть до начала 60-х гг. XIX в.) римское частное право было так или иначе объектом критики тех течений русской общественной мысли, чей синтез впоследствии приведет к появлению идейного феномена, называемого обыкновенно «русским консерватизмом». Римское право, неумолимо унифицирующее подпавшее под его влияние местное право и тем самым подрывающее волю и способность нации к самостоятельному творчеству в юридической сфере, ужасает предтеч пореформенного консерватизма. В романизации национальных правовых институтов их равно пугает

---

* Карцов Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, кандидат политических наук, кандидат философских наук, доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Статья подготовлена в рамках научного гранта РФФИ № 99–06–80042.

[1] Подробней о содержании понятий «русский консерватизм» и «русская консервативная традиция» применительно к проблематике истории отечественной правовой мысли см.: *Карцов А. С.* Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999.

и прививка чуждых цивилизационных начал (романизация как составная часть вестернизации), и будто бы производимая романизацией нивелировка национального своеобразия (то, что позже будет названо К. Н. Леонтьевым «всесмешением»). Как только римское частное право или вообще гражданское право Запада оказывалось в фокусе внимания основоположников «официальной народности» или славянофильства, начинались доказательства неистребимой чуждости его принципов пониманию права русским народом и правовому развитию русского государства.

Так, уже один из родоначальников всей русской консервативной традиции и прямой предшественник идеологов «официальной народности» Н. М. Карамзин, сопоставляя «Законы XII таблиц» (или, как он их называет, «двенадцать досок Рима») и «Русскую Правду» и находя, что «Русская Правда» не упоминает о «некоторых возможных злодеяниях, например, о смертной отраве», высказывает предположение, что такие преступления «были необыкновенны в России»[2]. Не остановившись на выводе о меньшей испорченности русского человека той поры сравнительно с нравами древних римлян, Карамзин делает заключение о природной непредрасположенности русских к формализованным юридическим процедурам, склонность к которым римлян столь явственно выступила уже в их первом собрании законов. Молчание «Русской Правды» относительно «многих условий и сделок, весьма обыкновенных в самом начале гражданских обществ», он разъясняет тем, что у русских «взаимная польза быть верными в слове и честь служили вместо законов»[3]. Впоследствии историк русского права Н. В. Калачов высоко оценит «мужественное ратование Карамзина за русское право при Александре I, когда Сперанский бесцеремонно пересаживал на русскую почву кодекс Наполеона. Для старого народа не надобно новых законов. Карамзин требует прежде всего, чтобы сделан был свод наших русских указов и постановлений. Тогда откроются пробелы, требующие пополнения, и откроются русские правовые начала. Русское право, говорил Карамзин, также имеет свои начала, как и римское; определите их и вы дадите нам систему законов»[4]. Справедливости ради следует отметить, что в своем основном историческом труде Н. М. Карамзин указывает, что уже «Владимиров устав», в котором решались «не только церковные, но и многие гражданские дела», был составлен «сообразно с Греческими Номоканонами», т. е., по мнению Н. М. Карамзина, этот юридический источник напрямую создавался на основе римско-византийских норм[5]. Таким образом, историческая объективность великого русского историка стояла выше его политических пристрастий.

В свою очередь, И. Д. Беляев, стоявший в ряду тех немногих историков русского права, кто являлся горячим поборником идей славянофильства, считал «Русскую Правду» не просто самобытным национальным памятником, но выражением народного протеста против первой попытки рецепции римского права в России – введения при отце Ярослава Мудрого, князе Владимире Святом, Судного Устава царя Константина[6].

Что касается славянофилов, то сущность западной цивилизации и всех ее атрибутов, включая и право, характеризовалась ими при помощи таких терминов, как «логическое сцепление понятий», «внешний силлогизм», «торжество внешней разумности», «железные цепи силлогизмов», «логический разум», «перевес логической односторонности», «рассудочный силлогизм», «логические выводы рассудка», «логическая односторонность мысли», «внешняя логическая формальность», «логическая связанность формы с формой». Эти качества выпукло проступают во всех достижениях Запада в отдельных областях материальной и духовной культуры. В частности, согласно славянофилам, покоящее-

[2] *Карамзин Н. М.* Предания веков. М., 1988. С. 146.
[3] Там же.
[4] Московские университетские известия. М., 1866. № 3. С. 220–221.
[5] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 165–166.
[6] См.: *Беляев И. Д.* Рассказы по истории России. М., 1861. Т. 1.

ся на римско-правовой основе правопонимание Запада отличается поклонением «законности формально-логической».

Напротив, православно-русское сознание (в том числе и такая разновидность его, как правопонимание) описывалось славянофилами посредством категорий, принадлежащих иному гносеологическому (и даже – аксиологическому) ряду. Это «внутренняя цельность разума», «внутреннее убеждение», «внутренняя правда», «внутренняя справедливость», «внутреннее устроение духа», «внутреннее возвышение самосознания», «внутренняя сердечная цельность», «внутреннее цельное познавание», «цельность внутреннего умозрения», «внутреннее единство».

Переходя непосредственно к оценке римского частного права, И. В. Киреевский – один из зачинателей славянофильства – отталкивался от посылки, по которой «в складе древнеримского ума наружная рассудочность брала перевес над внутренней сущностью вещей». Он пишет: «Влияние живых еще развалин, уцелевших от разрушения Рима, на нарождающуюся образованность Запада – было всеобъемлющее. Проникая в самое основное строение общественных отношений, в законы... древний Рим должен был поневоле сообщить всем отношениям Западного человека тот особенный характер, которым сам он отличался от других народов. ... Этот отличительный склад Римского ума заключался в том, что в нем наружная рассудочность брала перевес над внутренней сущностью вещей. Этот характер представляет нам общественный и семейный быт Рима, логически и нераскаянно уродовавший естественные и нравственные отношения людей по внешней букве случайно выразившегося закона. Этот характер видим мы в знаменитых законах римских, где стройность внешней формальности доведена до столь изумительного логического совершенства. При изумительном тоже отсутствии внутренней справедливости»[7].

Обрисовывая специфику западного и русского правопонимания, И. В. Киреевский развертывает впечатляющую картину бинарной оппозиции «*там* (т. е. на Западе) ↔ *здесь* (т. е. в России)». «Там законность формально-логическая – здесь выходящая из быта; там наклонность права к справедливости внешней – здесь предпочтение внутренней; там юриспруденция стремится к логическому кодексу – здесь, вместо наружной связанности формы с формой, ищет она внутренней связи правомерного убеждения с убеждениями веры и быта; там законы выходят искусственно из господствующего мнения – здесь они рождались естественно из быта; там шаткость личной самозаконности – здесь крепость личных и общественных связей»[8].

Порицание римского частного права встречаем мы и у идеологов «официальной народности». На страницах журнала «Маяк» – органа русской печати, в эпоху Николая I считавшегося наравне с «Москвитянином» (под редакцией М. П. Погодина) наиболее ревностным проводником учения о неразрывной и спасительной слитности самодержавия, православия и народности, – читаем: «Римляне, вводя в покоренные земли свое право, отрешенное от всякой местности; право, подводящее всех под один общий уровень, подавляли вместе с тем всякую народность и местность. Не подчинились римскому влиянию только страны между Рейном и Дунаем, а также восточная часть Европы»[9]. Неподверженность прямому культуртрегерскому воздействию со стороны Древнего Рима выдается за драгоценную особенность русской истории, за которую необходимо благодарить судьбу и не совершать впредь ничего, что могло бы перечеркнуть эту предпосылку национальной уникальности вообще и самобытности русского правопонимания в особенности.

Согласно мнению консервативных авторов дореформенной поры (и славянофилов, и поборников «официальной народности»), безблагодатные нормы римского частного

[7] *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 2. С. 242.
[8] Там же. С. 276.
[9] *Савельев Н.* Очерки всеобщей истории // Маяк. 1840. Ч. 9. С. 60.

права, на которых зиждется юридическая жизнь западных народов, находятся в непримиримой конфронтации с нормами, заповеданными Св. Писанием и Св. Преданием и лежащими в основе моральных и юридических представлений русского народа. Так, обозреватель «Маяка» в своем отзыве на увидевшее свет в середине 40-х гг. XIX в. исследование П. И. Дегая «Взгляд на современное положение уголовного законодательства в Европе» выражает надежду, что автор не замедлит порадовать публику «рассмотрением восточного законодательства, так как оно представляет нам более полезного и занимательного, нежели законодательство Запада, взявши во внимание, что в этой части света первые законы даны были избранному народу Самим Богом, а все последующие затем более или менее были основаны на правилах и откровениях религии»[10].

Порой в публикациях «Маяка» слышны даже намеки на то, что приверженность к заимствованиям из чужеродной культуры не может пройти бесследно и для лояльности человека по отношению к тому государству, чьим подданным он является. «Покорный римскому слову – почти полупокорный римской власти»[11].

Итак, уже на начальном этапе своего идеологического становления отечественный традиционализм обнаруживает склонность к критике римского частного права. На многие десятилетия эта тема станет если не ведущим, то по крайней мере устойчивым элементом дискурса, в плоскости которого на протяжении последующего полувека будет развиваться русская консервативная мысль.

Пореформенный этап консервативной критики римского частного права знаменовался своими особенностями.

В пореформенное время звучат предложения об очистке русского права от вредоносных римско-правовых ингредиентов. В 80–90-е гг., когда проводились мероприятия в рамках так называемой «судебной контрреформы», в стане консерваторов раздавались адресованные к правительству предложения решиться не просто на поправки к Судебным Уставам 1864 г. (ограничение прерогатив суда присяжных, усиление поднадзорности судей и т. д.), но кардинально сократить присутствие принципов римско-правового происхождения в гражданском материальном и процессуальном праве Российской империи. Один из инициаторов такого рода проектов, Василий Белинский, аргументировал идею «антирецепции» следующим образом: «В основании нашей юриспруденции лежит римское право, необходимое sine qua non, по мнению юристов, в судебном решении гражданских дел. Но римское право сложилось в языческий период Римской империи, а мы, русские, будучи православными христианами, должны жить и действовать согласно Евангелию, ничего общего с римским правом не имеющему, а во многом даже противоположному ему. Из этого одного, даже не касаясь иных национальных, исторических и бытовых особенностей и разделяющего нас от древних римлян времени, происходит то, что в жизни и в своей деятельности мы руководствуемся одними правилами, а в суде наши дела оцениваются по совершенно другим, нам чуждым либо незнакомым. Отсюда кроме несправедливости и деморализации общества ничего другого проистекать не может. Должна быть постановка суда на исторических началах русской народности вместо космополитических, несостоятельность которых сказалась в вопиющем формализме судебных решений»[12].

Десять лет спустя, уже в обстановке думской монархии, консерваторы не расстаются с упованиями на очищение русского права от римско-правовых заимствований. Одни увязывают преобладание в судопроизводстве «формальных обрядов перед жизненной правдой» с тем, что юристы перестали «сообразовывать правовые нормы с обычаями и

[10] <Н. С.> [Рецензия] // Маяк. 1845. Ч. XXIII. (Гл. 2). С. 64–65. Рец. на кн.: Дегай П. И. Взгляд на современное положение уголовного законодательства в Европе. СПб., 1845.

[11] *Пехотинский Гр.* И мои мысли вслух // Маяк. 1841. Ч. XXIV. С. 67.

[12] *Белинский Василий.* По поводу предстоящей судебной реформы // Русский труд. 1898. № 15. С. 89. См. также: Будущее русского судоустройства // Новое время. 1898. № 7918 (14 марта).

мировоззрениями *своего* народа»[13]. Другие, ссылаясь на осознание разницы в русских и западных правовых понятиях еще Ярославом Мудрым, наставлявшим: «не хвально нам, братья, правды в немцах искати, бо есть правда русская», – настаивают, что и доселе русская правда (т. е. тот идеал, к обретению которого должно стремиться право) является естественным антагонистом «немецкой правды», ибо та была взращена на «языческом римском праве и вместе с этим "правом", а также обычаями, развратом и грехами Рима вошла в плоть и кровь западноевропейских народов, во весь уклад их жизни, не только телесной, но и духовной»[14].

Пореформенный русский консерватизм устанавливает взаимосвязь римского права с еще одним фактором, враждебным охраняемому консерваторами государственному строю. Этот фактор – парламентаризм. По мнению консерваторов, стимулируя индивидуализм и стяжательство, римское частное право разъединяет людей на отдельные группы с общностью узкоматериальных интересов. Стараясь навязать государству преимущественную защиту именно этих интересов, такие группы, становясь партиями, пытаются завладеть политической властью. Такова, уверяли консерваторы, подоплека представительного строя правления, который либералы прочат на смену самодержавию. Самодержавие же крепко соборностью, когда каждый член общества во имя торжества общего блага готов поступиться личным интересом, даже если тот закреплен законом. «Юридическая основа римского права есть научное выражение соразмерной справедливости, основанной часто лишь на фикциях во исполнение еврейского закона "око за око" и "зуб за зуб"». Вот – основа партийности. Исполнение христианского закона во имя мира и милосердия – вот начало достойной жизни в соборности. Тут начала соперничества заменяются содействием и соревнованием (т. е. движение в одном, непротивоположном направлении)», – комментирует эту дихотомичность барон М. Ф. Таубе, один из видных идеологов Союза русского народа (выступавший в качестве публициста под псевдонимом «М. Вашутин»)[15].

Немало копий было в пореформенную пору сломано консерваторами по поводу кажущегося им засилья римского частного права в программе высших юридических учебных заведений. Бессменный издатель просуществовавшего свыше сорока лет консервативного журнала «Гражданин» В. П. Мещерский (сам выпускник Училища Правоведения) неоднократно сетовал на то, что в новейшей юриспруденции «форма, как и буква, убивает дух животворный». Причем не в последнюю очередь оттого, что «будущего члена русского суда учат законоведению, основанному на римском праве, а о душе нет и речи»[16]. Помимо гносеологического аспекта (свойственное консервативной мысли третирование рационального познания, акцентирование когнитивной роли эмоции и вообще сверхрационального) это высказывание таит в себе и аспект несколько другого порядка.

Консерваторы, обороняющие традиционные политические (самодержавие со всеми специфическими для него процедурами и институтами) и социальные формы (крестьянская община), не могли не видеть во взращенных на римском частном праве юристах естественных противников и того и другого. И на то были свои основания. Действительно, покинувший университетскую скамью и приступивший к практической деятельности юрист-криминалист не мог не видеть, что реалии самодержавной России (место, занимаемое законом, сравнительная ценность соображений целесообразности и правомерности в глазах администраторов различного ранга и т. д.) нередко шли вразрез с тем, как, вроде бы, должно обстоять дело согласно общеправовым принципам, берущим свое начало в римском праве. Воспитанному на римском праве юристу-цивилисту не могли не показаться анормальным явлением, скажем, нормы обычного права, которыми регла-

[13] *Глинка С.* Л. А. Кассо и право // Земщина. 1910. № 446. С. 1.
[14] *Волконский М. Н.* Об общении // Земщина. 1910. № 448. С. 3.
[15] *Вашутин М.* Партийность и соборность // Вестник Союза русского народа. 1911. № 35. С. 5–6.
[16] *Мещерский В. П.* Дневник // Гражданин. 1885. № 25. С. 3; *Он же.* Дневник // Там же. 1888. № 102. С. 3.

ментировался имущественный оборот сельской общины. Отсюда – один шаг до намерения выправить «варварские» и «уродливые» отклонения от предписанного римским правом стандарта.

В. Е. Вальденберг – известный исследователь византийской и древнерусской политико-правовой мысли и одновременно деятель консервативного Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества – признавал тревожным положение, когда «на юридическом факультете специально России посвящена только одна кафедра – истории русского права и этому предмету отводится всего пять часов в неделю (между тем римское право имеет две кафедры – истории и догмы права)». Правда, он считает нужным оговориться, что не ведет речь ни о полном упразднении преподавания римского права, ни об умалении заслуг этой дисциплины в деле формирования будущего юриста. «Ни один юрист, – пишет он, – не станет отрицать того, что римскому праву должно быть отведено в системе юридического образования почетное место. Римляне дали нам замечательный и до сих пор непревзойденный образец системы права, изучение которой положительно необходимо для развития юридического мышления»[17]. Но вслед за этим жестом ритуальной вежливости идет развернутое обоснование вреда, наносимого чрезмерным вниманием к изучению римского права.

Во-первых, римское право является носителем чуждой ментальности, ибо «психология древних римлян далеко не совпадает с психологией славянина и русского человека»[18]. Иначе, по мнению Вальденберга, и быть не могло, поскольку «факты, из которых слагалась славянская и русская история, во многом отличаются от фактов римской истории»[19]. Следовательно, необходима сугубая осторожность в претворении римско-правовых представлений в русском правотворчестве, правоохранении и правосудии. И это касается не только отдельных конструкций, ставших непригодными ввиду своей архаичности, или тех, для которых предложены более совершенные в техническом смысле эквиваленты. Нет, Вальденберг не допускает безусловного принятия и базисных принципов римского права. Отказывая римскому праву в универсальности, он ссылается на то, что «нравственные и правовые понятия, государственные и общественные учреждения, корни которых лежат всегда в народной психологии и в народной истории, не могут и не должны быть заимствованы русским юристом от римлян без всяких оговорок»[20].

Во-вторых, Вальденберг, принадлежа к славянофильской ветви русского консерватизма, полагал, что «русское право является только одной из отраслей общеславянского права»[21]. Вследствие чего превалирование римского права в курсе университетского образования негативно сказывается на достижении заветной мечты славянофилов всех генераций – единении славян под эгидой (политической или хотя бы культурной) России. Может ли страна, слепо копирующая олицетворяемую римским правом западную правовую традицию, быть светочем славянской самобытности для зарубежных славян (находящихся большей частью под бременем того же римского права)? Тем более, что часть из них отказалась от механического подражательства и в своем законотворчестве стала на почву кодификации национальных правовых обычаев (черногорский «Судебник»).

В образовательном процессе римскому праву должен быть создан «надлежащий противовес», иначе его изучение будет оказывать деформирующее и очевидно вредоносное влияние на складывающееся профессиональное сознание студента-юриста. Так звучит итоговый вывод Вальденберга. В качестве искомого противоядия он предлагает учреждение на юридических факультетах двух кафедр: славянских юридических древностей и истории русских государственных идей. Благодаря первой кафедре студенты проходили бы углубленное знакомство с памятниками славянских законодательств. «Предки наши

---

[17] *Вальденберг В.* Славянство и Россия в университете // Славянские известия. 1913. № 30/31. С. 474–475.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] Там же.
[21] Там же.

чувствовали близость своих правовых понятий родственным славянским племенам. Давно уже признано, что наши первые законодательные памятники суть ни что иное, как своды записанных обычаев или судебных решений, а значит, их связь с народными воззрениями несомненна. Следовательно, для правильного понимания этих памятников, в особенности при сравнении с древнейшими западноевропейскими кодексами, необходимо остановиться на точке зрения права, действовавшего у различных славянских народов», – подчеркивает Вальденберг[22]. Использование же компаративного метода призвано было укреплять в обучающихся мысль о наличии у славян самостоятельной правовой системы, независимой от римского права. Что касается значения второй кафедры, то она, конечно, должна была приобщить будущих юристов не ко всей совокупности политических учений, в разное время имевших распространение в России, но лишь к тем «государственным идеям, которые, становясь достоянием народных масс, или будучи усвоены представителями верховной власти, оказывают свою долю влияния на государственный строй России или на отношение общества к этому строю»[23]. Духовное наследие старца Филофея, И. Пересветова, Ю. Крижанича, Феофана Прокоповича должно было идейно уравновешивать римско-правовые курсы, показывая, как русская политическая мысль (точнее то ее направление, представителей которого выдвигал на первый план Вальденберг) решала проблемы соотношения «права» и «государственного блага», «частного интереса» и «общей пользы», юридической регламентации самодержавия и т. д.

Крупный деятель Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества П. Матвеев выражал твердое убеждение, что замешанные на римском праве «скороспелые законодательные регламенты, взятые напрокат из Западной Европы, могут только задержать нормальное развитие юридической жизни народа». Возглавляя существующую при этнографическом отделении Общества комиссию народных юридических обычаев, он считал, что именно собирание и обобщение славянских обычаев способно содействовать освобождению от «этого юридического хлама, совершенно чуждого народу и не пустившего никаких корней в юридическом быту страны»[24]. П. Матвеев с энтузиазмом откликнулся на появление в Черногории «Судебника» – «первого в наши дни чисто славянского кодекса, проникнутого народными воззрениями, приятно поражающего отсутствием того мертвенного схематизма, который запечатлели все создания прямолинейной логической продукции, всевластно царящей во всех законодательных работах Европы»[25]. «Судебник» предназначен непосредственно для народа, а не для специалистов. Его существенное преимущество видится в «уничтожении отвлеченности терминологии, любимой книжными юристами и замененной живым народным языком»[26]. Между тем, пишет П. Матвеев, общий порок современных кодексов составляет «сочинительство терминов скороспелых и уродливых; новые кодексы фабрикуют такие термины, совершенно утратив даже сознание о необходимости органической конструкции юридической терминологии, свойственной старым средневековым кодексам, с прискорбным легкомыслием – бестактностью и поспешностью выдумано множество новых терминов, коверкающих язык и совершенно непонятных народу, юристы до сих пор не сумели осилить предстоявшую им задачу и безобразят юридический язык»[27]. Наконец, самобытность черногорской кодификации подчеркивает помещение в ней правовых поговорок, которые не могут ни изменить, ни заменить закона, но содействуют объяснению его «разума и смысла». Таким образом, заключает П. Матвеев, «Законник» провозглашает

---

[22] *Вальденберг В.* Указ. соч. С. 474–475.

[23] Там же.

[24] *Ма<тве>ев П.* «Сборник болгарских юридических обычаев» С. Бобчева // Славянские известия. 1889. № 20. С. 507–509.

[25] *М<атве>ев П.* Новый черногорский «Законник» // Славянские известия. 1889. № 11. С. 278.

[26] Там же. С. 278–279.

[27] Там же. С. 280.

«совершенно самостоятельные, свойственные славянам национальные воззрения – славянскую идею права на частные (гражданские) отношения»[28].

Нельзя не отметить, что вплоть до конца XIX в. воззрение на возможность самобытной славянской правовой системы было уделом не только представителей консервативного лагеря. Известный криминалист А. Ф. Кистяковский, далеко не являясь столпом консервативной идеологии, утверждал: «Римская юриспруденция налагала и налагает на развитие юридической жизни славян бремя неудоборимое. Русские славянские юристы должны стремиться к самостоятельности развития, для чего нужно собирать юридические обычаи»[29]. Другой криминалист, В. Д. Спасович, пишет хвалебную статью о черногорском «Судебнике», находя, что он «исполнен гомеровского духа, некоторые из его статей будто выписаны из "Илиады" или "Одиссеи"...». Парадоксально и то, что эта статья была помещена не где-либо, а в цитадели либеральной периодики – журнале «Вестник Европы», и то, что «Судебник» превозносится Спасовичем, пользующимся репутацией прогрессивно мыслящего юриста, как раз за то, за что кодификация черногорского законодательства была горячо одобрена консерватором П. Матвеевым. За эмансипацию от римско-правовых начал, за то, что «Законник» остерегается разрешать вопросы договорного права «по указке прямолинейной логики непреклонного правового принципа "fiat justitia – pereat mundus"». В дальнейших своих рассуждениях Спасович выстраивает типично консервативную по своему духу антиномию, где западному индивидуализму и разрозненности противополагается присущее славянам чувство солидарности, причем не только политической (патриотизм), но и социальной (общинность). «Римляне по своей натуре были великие эгоисты. Идеал, который они проводили со свойственной им последовательностью в частном праве, есть полное торжество голого произвола в области взаимных отношений единичных лиц. Этот идеал глубоко чужд и претит славянской натуре. По римским воззрениям на право, личная воля подчиняется только одной превозмогающей силе внешнего порядка – одной лишь государственной необходимости. Крупная заслуга черногорского "Законника" в том, что он проникнут совершенно другими воззрениями. В нем воля единицы ежеминутно склоняется не только перед благом государства и благом семейной группы, в которой мы привыкли видеть первообраз государства, но так же перед большинством таких же как она, в том же частном праве соучастников и контрагентов. Характерная черта – гуманность постановлений "Законника", определяющих договорные отношения, его попечительная заботливость об интересах слабейших, по своему положению в сделке, контрагентов. На каждом шагу в этом кодексе частные конфликты разрешаются по началам публичного права. До того эти начала пронизывают насквозь чисто гражданские отношения, что должны приводить в недоумение римских цивилистов»[30]. Другое замечательное достоинство «Законника» Спасович (опять-таки подобно П. Матвееву) узрел в отказе от переноса римской терминологии на непривычную к ней почву, в то время как любители заимствований для юридических нужд иноязычного понятийного аппарата переводят обычно «не смысл слова, символизирующего понятие, но только само слово, т. е. более или менее отдаленное понятие, передавая это понятие не цельно и не по совокупности признаков, а по одной какой-либо случайно подчеркнутой примете»[31].

Консерваторы в целом относились неблагосклонно и к научной разработке проблем римского права. Такие изыскания в их восприятии представали примером схоластических штудий, уводящих от разрешения наболевших вопросов русской действительности и отвлекающих академическую науку от изучения того, что, по мнению консерваторов, составляло национальную самобытность в правовой сфере. Старейшее консервативное

[28] *М<атве>ев П.* Новый черногорский «Законник». С. 281.
[29] Цит. по: *М<атве>ев П.* Новый черногорский «Законник». С. 279.
[30] *Спасович В. Д.* «О "Законнике"» // Вестник Европы. 1889. № 2. С. 541.
[31] Там же.

издание газета «Московские ведомости» указывала в этой связи: «Русского ученого юриста больше интересуют источники римского права, чем памятники отечественного законодательства. Не странно ли, в самом деле, что бесценные материалы Полного собрания законов остаются еще почти вовсе нетронутыми, тогда как "*художество цивилис*" ежегодно обогащается новыми трудами, интересными для библиографа, но безразличными для жизни. Наши ученые юристы своими написанными на русском языке сочинениями "обогащают" науку вообще, но далеки от исследования таких вопросов, которые имеют непосредственное отношение к явлениям русской жизни»[32]. Если сами занятия римским правом выглядели пустой забавой кабинетных ученых, то за их конечными результатами консерваторы большей частью отказывались признавать творческий характер. Труды русских юристов упрекались в компилятивности, послушном воспроизведении указаний, данных по тому или иному вопросу европейской наукой (прежде всего немецкой). «Завет Петра I приступить к переводу книг по юриспруденции ("художеству цивилис") – до наших дней наложил печать свою на нашу науку права. Едва ли ошибочно будет утверждать, что никакая другая научная область не находится в такой зависимости от соответствующей немецкой, как область так называемой научной юриспруденции. Ученые диссертации по юриспруденции пишутся обыкновенно по одному рецепту: берутся готовые немецкие докторские диссертации по данному вопросу (а таких диссертаций к услугам нового "исследователя" имеется всегда достаточное множество), классифицируются, подвергаются критике суровой и беспощадной, и в результате такого отношения к чужим трудам появляется новая диссертация – "последнее слово науки" и, конечно, "ценный вклад в нашу научную литературу", как аттестуют новую диссертацию официальные оппоненты на диспуте. Этот "ценный вклад" остается таковым до появления новой диссертации по тому же вопросу, когда новый автор, подвергнув новой ревизии все до него существующее, скажет новое "последнее слово" и т. д. Сочинять на основании готового материала куда легче, чем самому добывать материал и самому производить исследование»[33]. Соответственно, выбор исследователем романистики в качестве поля научной деятельности, на взгляд консерваторов, был вдвойне предосудительным – как по предмету, так и по главенствующему способу.

Хотя кризис старого порядка растянулся на все пореформенное пятидесятилетие, но те перемены, которые имели место в период между 1905 и 1917 гг., превзошли самые худшие из опасений, обуревавших консерваторов начиная с 60-х гг. XIX в. и вплоть до 1905 г. Ограничение самодержавия народным представительством, свобода совести, слова, собраний воспринимались ими как начало конца традиционной России. Именно в этот период происходит первый опыт введения в России начатков парламентарных институтов, именно в ту пору либеральная часть бюрократии и общественности предпринимает попытки к переводу России на рельсы правового государства (хотя бы в его немецком понимании: главенство закона над иными источниками права, соблюдение установленной законом процедуры принятия нормативных актов, подверженность законодательному урегулированию большей части вопросов, вообще подлежащих государственной регламентации, эффективное правосудие). С точки зрения достижения этих целей римское частное право было полезно тем, что, показывая возможность и целесообразность упорядочения гражданско-правовых отношений юридическими нормами, оно косвенно подсказывало, что в таком упорядочении с необходимостью нуждается и публично-правовая сфера, отношения человека с государством. Консерваторы трезво сознавали, что такая логика может очень быстро привести к далеко не благоприятным для самодержавия последствиям. А с сохранением самодержавия они связывали и территориальную целостность России, и благополучие того, что они считали становым хребтом национальной культуры, – православия.

---

[32] <Наблюдатель.> Русская наука и немцы // Московские ведомости. 1915. № 187. С. 1.

[33] Там же.

Чрезвычайно интересное преломление получила проблематика, рассматриваемая в данной работе, на страницах органа фракции правых Государственной думы – газеты «Земщина». Поводом к выступлению «Земщины» стала речь профессора гражданского права императорского лицея цесаревича Николая Л. А. Кассо перед воспитанниками лицея. Назначенный министром просвещения, он в своем прощальном слове сказал между прочим, что «если Рим был силен цивилизацией и своим сознанием права, то и Россия также нуждается в молодых силах, которые проводили бы в жизнь правовое юридическое начало»[34].

Надо в этой связи оговориться, что, несмотря на всю тяжесть ситуации, сложившейся для самодержавия после 17 октября 1905 г., консерваторам казалось – ввиду половинчатости и недосказанности многих положений Основных законов 1906 г., – что окончательную гибель еще можно предотвратить. Для этого же, на их взгляд, нужен, разумеется, наряду с иными мерами (дистанцирование во внешней политике от государств либеральной демократии, продолжение русификаторского курса на окраинах, смягчение остроты социальной напряженности в сельской и фабрично-заводской среде) – тщательный отбор высших администраторов, которые были бы в состоянии парализовать либеральные положения нового законодательства и усилить звучание положений охранительных. Поэтому консерваторы пристально всматривались в кадровые перестановки в верхах, чутко прислушивались к выступлениям новых министров, стараясь уловить, на чью сторону в характерной для думской монархии обстановке неустойчивого равновесия встанет министр (а по возможности и повлиять на его выбор).

Учитывая то, что Л. А. Кассо сменил на посту министра консервативно настроенного А. Н. Шварца, правых волновало, что новый министр – юрист по образованию – поведет либеральную политику. Это беспокойство еще более усилилось после слов нового министра о значении юридического начала в государственной жизни, ибо то был рефрен, свойственный именно либеральной риторике. Речь проф. Кассо встревожила и редактора «Земщины» С. К. Глинку-Янчевского. Ответная реплика Глинки содержит любопытную трактовку римского частного права, где словно в капле воды отразилось большинство идеологических антипатий и предпочтений, присущих правым на данной стадии их идейных исканий. Глинка не собирается отрицать очевидное, признавая за несомненный факт «создание Римом того правового начала, которое служит путеводной звездой для установления правовых отношений в современных государствах»[35]. Но, продолжает он вслед за тем, отнюдь не право было гарантом могущества Рима – ведь империя сделалась добычей варваров, не имевших никакого понятия о «правовом юридическом начале»[36]. С другой стороны, сказанное не означает, что право вообще не имело отношения к причинам, по которым первоначальная сила Рима пошла на убыль. «Одряхление и разложение», утверждает Глинка, стали уделом некогда великой империи именно тогда, когда в правосознании римских граждан происходит роковой надлом и представление о первоочередности исполнения обязанностей вытесняется представлением о приоритете удовлетворения личных прав. Глинка, испытанный полемист, не ставит перед собой непосильной задачи доказательства негодности римского права как такового. Его задача иная: выбить оружие из рук тех апологетов римского права, что обретаются в либеральном стане. Если последние поднимали на щит римское право в качестве средства, способного поставить пределы государственному всевластию, то Глинка, метя в партикулярный идеал либералов, выводит примечательную корреляцию. Оказывается, «пока шел рост Рима, на первом месте всегда стояли обязанности граждан перед государством, высоко ценилось самопожертвование, патриотизм, и менее всего римляне заботились о правах отдельных лиц»[37]. Поэтому-то и жестко закрепляющие правомочия сторон «гра-

[34] См.: *Глинка С.* Указ. соч. С. 1.
[35] Там же.
[36] Там же.
[37] Там же.

жданские законы» (под коими Глинка понимает писаное право) отсутствовали, а вместо них использовалась более гибкая система обычного права. А обычное право, от которого в то время не были окончательно обособлены нормы религиозного и морального происхождения, «повелевало приносить на алтарь отечества и свое достояние, и свою жизнь; все – для государства». Отсчет же римского упадка Глинка ведет с извращения истинного соотношения между правами и обязанностями. Когда допускается выпячивание первых и затенение вторых, тогда «обычаи страны постепенно забываются и начинают развиваться правовые нормы. На первый план выступили права, и по мере их совершенствования стушевываются обязанности перед государством. Гражданские юридические начала достигли полного расцвета, но превратились в мертвый формализм. Самопожертвование и патриотизм явились предрассудками, достойными осмеяния. Все – для блага отдельных граждан и по преимуществу богачей»[38].

Нет нужды доказывать, что Глинка предается изысканиям в области истории римского права вовсе не в расчете обогатить романистику свежими, хотя и, мягко говоря, не бесспорными идеями. Глинка приоткрывает завесу над главным побудительным мотивом, заставившим его посвятить целую передовую статью выступлению Л. А. Кассо, казалось бы, сплошь наполненному одними прописными истинами насчет исторической роли римского права и роли права в жизни общества вообще. Но консерваторам было ясно, что либералы курят фимиам римскому праву вовсе не из преклонения перед имперским размахом былой цивилизации (и вытекающего отсюда пиетета в отношении всех слагаемых этой цивилизации), и даже не из чувства законности (в позитивистском значении этого термина). «Правовой порядок», начертанный на знамени освободительного движения, предполагал предоставление личности такой суммы гарантий по отношению к государству и одновременно такое снижение репрессивных возможностей государства, что, будучи претворен в жизнь, он означал бы сокрушительную ломку милого сердцу консерваторов автократического режима (пусть даже при сохранении декорации прежней формы правления). Либеральные поклонники римского права, являясь вместе с тем глашатаями «правового порядка», обязывают «правительство скрутить себя по рукам и ногам и не принимать никаких предупредительных мер против врагов государства; оно может проявлять свою власть только в случае, когда открыто начинается осуществление уже подготовленного злодеяния или переворота <...>, требуя от законного правительства осуществления самых сложных формальностей, обусловленных самыми точными письменными документами, при всяком обыске, аресте, запрещении какого-либо издания – враги государства имеют возможность всегда действовать сообразно с обстоятельствами»[39].

Таким образом, обращение к римскому праву – лишь предлог к высказыванию относительно беспокоивших правых реалий 10-х гг. XX в. Римско-правовые сюжеты выступают здесь лишь своего рода инструментами идеологической дидактики: они либо иллюстрируют один из тезисов праворадикальной платформы, либо опровергают доводы либеральных противников Глинки и его единомышленников. Подводя черту под всем, что было сказано им относительно римского права, Глинка призывает министра остерегаться увлечения юридическими абстракциями (порождаемыми длительными профессиональными занятиями романистикой), наставляя, каких маяков следует держаться государственному деятелю, дабы не сбиться с истинно патриотического курса. «Понятно, что г. Кассо, как профессор гражданского права, видит в розовом свете насаждение у нас "правового порядка" и неизбежно следующее за ним упразднение обычного права. Но полагаю, что ему, ставшему в ряды правительства, будут не чужды более высокие государственные соображения, и во всех тех случаях, когда права отдельных лиц сталкива-

[38] *Глинка С.* Указ. соч. С. 1.
[39] Там же.

ются с интересами государства, да позволено будет нам надеяться, г. Кассо отдаст предпочтение последним»[40].

Сделав дежурную оговорку, что он не настаивает на том, что «мощь государства требует попирания чужого права, а тем более презрения к законам», Глинка в финале постулирует условную неприкосновенность всех прав граждан – пока они не наносят вред государству. Если же какие бы то ни было права «угрожают могуществу, а тем паче самому бытию государства – надо следовать примеру героического периода Древнего Рима, когда обязанность и долг, то есть права государетва, стояли превыше всех прав отдельных граждан»[41].

Поскольку в той схеме развития римского права, которая вышла из-под пера редактора «Земщины», уместились едва ли не все мифы консервативной идеологии (впрочем, здесь, вероятно, уже было бы правильнее говорить об идеологии праворадикальной), постольку нашли себе здесь же приют и юдофобия, и замешанная на ней теория заговора.

Генерация консерваторов, наиболее ярко проявившая себя после 1905 г., обладала известными отличиями от предшествовавшего поколения консерваторов. В самом сжатом виде суть этих особенностей можно свести к большей агрессивности, к стремлению активно противодействовать «крамоле» силами традиционалистски настроенных слоев общества (а не только карательных органов государства), наконец, к резкому увеличению удельного веса националистического компонента относительно других элементов, образующих идеологию крайне правых.

Указанные особенности не могли не наложить свой отпечаток на восприятие римского права крайне правыми. В частности, С. Глинка делится оригинальным соображением, приурочивая произошедший в правосознании римлян отказ от приоритета обязанностей над правами к моменту, когда была «покорена Палестина и в Рим хлынули иудеи»[42]. Последние рисуются чужеродной расовой группой, стремящейся к владычеству над коренным населением страны-завоевательницы, прилагающими всевозможные усилия к расшатыванию издревле бытующего в ней государственно-правового уклада. Одно из наиболее действенных средств для достижения указанной цели – опутывание государства всевозможными юридическими ограничениями одновременно с установлением равенства прав всех жителей государства, без различия этнической или вероисповедной принадлежности. В итоге «искореняются обычаи страны, чахнет всякое патриотическое чувство, исчезает понятие об обязанностях, о долге и торжествуют “права человека” и “правовой порядок”...»[43]. Глинка, явно имея в виду современную Россию, предупреждает, что от такого сорта разлагающей деятельности страдал не только Древний Рим, но и всякая страна, «где иудеи приобретают значение»[44].

Начатую С. Глинкой дискуссию о тех подводных рифах, которые таит римское частное право вообще (а применительно к российской действительности – в особенности), продолжил видный публицист крайне правых князь М. Н. Волконский. Национализм «новой поросли» идеологов русского консерватизма, приступивших к идеологическому творчеству в промежуток между революциями, приобретал неприкрыто этнический характер. Но вместе с тем в отличие, например, от идеологии немецкого нацизма здесь не происходит разрыва с христианством. Над шествиями тех массовых движений, чья социально-политическая программа обосновывалась и развивалась авторами «Земщины», колыхались православные хоругви, а не полотнища с изображением ведических символов. И в то же время представление об особой роли арийской расы, сформулированное в

[40] *Глинка С.* Указ. соч. С. 1.
[41] Там же.
[42] Там же.
[43] Там же.
[44] Там же.

трудах графа Гобино и Чемберлена, уже успело укорениться в воззрениях значительной части идеологов крайне правых. В результате можно наблюдать, как у Волконского уже знакомое по писаниям его предшественников противопоставление римского частного права христианским (евангельским) началам причудливо сочетается с противоположением римских начал началам арийским. Примечательно, что аудитория «Земщины», не оставшись равнодушной к статьям Волконского, поставила в заслугу ему именно умение показать не только то, что Рим «погиб вследствие безнравственности начал, вложенных в его государственность и выразившихся с такой полнотой в римском праве», но и всю «неизмеримость разницы между привитыми Римом европейскому Западу понятиями и понятиями, воспринятыми нами вместе с православием от предков-арийцев, приявших Св. Крещение на чистую арийскую душу, не зараженную римским грехом, ибо древние славяне не были завоеваны Римской империей и не были развращены ее культурой и римским правом»[45].

Князь Волконский предъявлял римскому праву несколько серьезных претензий. В первую очередь это культ автономно хозяйствующего индивидуума и его собственности. Волконский выносит гневный вердикт римскому праву, обличая его в потворстве тем свойствам человеческой натуры, которые русский народ как народ арийский считает низменными и как народ христианский считает одними из самых греховных, – алчности и сутяжничеству. «Римское право священнодействовало перед собственностью. В конце концов римляне ничего "священного" кроме "законного" стяжания этой собственности не знали, доведя высокое понятие "права" до высшей несправедливости»[46]. Более того, порочные качества римского права экстраполируются князем и на все современное ему европейское правосознание. «По нашему чисто арийско-христианскому убеждению идеальный взгляд на собственность таков, что надо поделиться с неимущим последней рубахой. Для латинян же и прочих "немцев", т. е. людей "немых" – не говорящих нашим языком – является священным право собственности, по которому рекомендуется держать то, что у тебя есть, крепко и не делиться с неимущим»[47].

Правые справедливо предвидели изживание патернализма со стороны государства в отношении субъектов имущественного оборота, если не будет прекращено систематическое внедрение в гражданское законодательство римско-правовых принципов неприкосновенности частной собственности и свободы договоров. Такой исход – катастрофическое (с точки зрения правых) сужение прерогатив государства по отношению к его подданным – поставит крест и на самом самодержавии. С учетом же того, что рассматриваемый отрезок времени был порой бурного вторжения в экономику России иностранных капиталов (в том числе в форме транснациональных синдикатов), безоговорочное принятие базовых принципов римского частного права грозило, по мнению консерваторов, постепенным переходом к чужеземцам той материальной базы, вне контроля над которой немыслим настоящий государственный суверенитет.

Помимо прочего правые отдавали себе отчет и в иных нежелательных последствиях той степени самоустранения государства от регламентации имущественных отношений, которой требует римское частное право. В выигрыше, предрекает князь Волконский, окажутся наиболее экономически мобильные и корпоративно сплоченные группы населения, чей капитал в основном сосредоточен в финансах и которые в силу своих этнокультурных особенностей не связаны в своих предприятиях никакими морально-нравственными ограничителями. Как уже приходилось говорить, группы, которым полное восприятие российским законодательством духа римского частного права будто бы развяжет руки в деле закабаления остального населения, наделялись идеологами крайне правых вполне конкретными национальными признаками.

---

[45] *Волконский М. Н.* Указ. соч. С. 3.
[46] Там же.
[47] Там же.

Консерваторы также догадывались, что несомый римским правом принцип состязательности, соседствуя с требованием сокращения сферы вмешательства публичной власти в те или иные гражданско-правовые отношения (при помощи дискреционных распоряжений административных органов), пойдет на пользу отнюдь не традиционной элите и не массе, которую в целом они считали продолжающей быть приверженной патриархальным ценностям, а опять же чужеродному меньшинству. Оно обладает – благодаря преимущественному роду занятий и психологическому складу – необходимыми навыками по использованию материально- и процессуально-правовых возможностей для защиты своих интересов за счет лишенного патерналистской опеки коренного большинства. «Осуществление высшего правосудия в смысле высшей несправедливости несомненно выгодно всякому пронырливому пройдохе. О, вот почему они так часто в качестве "просвещенных" западников вопят о "законности", о "правовом порядке", хотя тут же требуют обхода "архаических", по их мнению, законов. Наиболее полное проявление эгоистического, себялюбивого людского измышления "каждый за себя" можно видеть в одном из основных положений римского права – "jus civile sibi vigilantibus scriptum est". Что значит: "гражданское право написано для заботящихся о себе". Под этими "заботящимися" подразумеваются, конечно, люди более приспособленные к жизни, от которых, по нашим русским понятиям, нужно на самом деле ограждать законом простодушных, доверчивых и, вследствие этого, более слабых с юридической стороны людей», – предупреждает князь Волконский[48].

Как отмечалось выше, еще в первой половине XIX в. представители «официальной народности» привлекали внимание к секуляризационным импульсам, вытекающим, по их мнению, из нехристианского и едва ли не антихристианского характера римского частного права и сообщаемым им любой правовой системе, переживающей рецепцию. Православная религиозность, присущая исследуемой нами идейной традиции, заставляла ее создателей и поборников, от ранних славянофилов и вплоть до лидеров черносотенства включительно, принимать в штыки римское частное право, в том числе ввиду поощрения им секуляризации мышления. Прозаическое выведение большинства подлежащих правовому регулированию явлений из нужд имущественного оборота, равно как и пафос всеобъемлющего упорядочения человеческой жизни, не нуждающегося более ни в каких санкциях и нормах мистического происхождения, – не находили, да и не могли найти мало-мальски созвучного отклика в проникнутом спиритуализмом консервативном мировоззрении. «Когда люди хотят своим человеческим умом устроить свою жизнь, отметая все данные свыше духовные показатели добра и зла, – жизнь эта приходит к абсурду, полной несуразности и рушится сама собой. И несмотря на уроки истории, все-таки у людей остается влечение к таким измышлениям чисто человеческого несовершенного ума, как римское право! Современное государство может существовать только на нравственных устоях Божественного откровения, религией какового единственно истинной является православная вселенская вера. И воспитывать русский православный ум на понятиях языческого римского права – значит подрывать основы нашей государственности», – негодующе восклицает князь Волконский[49]. В римском частном праве консерваторам виделась одна из ипостасей богоборчества – попытка человека создать самому для себя безусловные законы, выйдя такими образом из преклонения перед законами религиозными.

Указание на антихристианскую сущность, дающую о себе знать то в полной безбожности, то в откровенном язычестве, – рефрен отзывов русских консерваторов о римском праве. Последнее ощущение – граничащего с сатанизмом лжебожия – возникало потому, что консерваторы не могли не чувствовать, что все же был некий, окруженный почти сакральным ореолом, абсолют, перед которым благоговело римское частное право. Этот

[48] *Волконский М. Н.* Указ. соч. С. 3–4.
[49] Там же. С. 4.

кумир – собственность. Князь Волконский: «Наши идолопоклонники требуют, по образцу идолопоклонников Запада, сотворивших себе кумира из "человеческих прав", чтобы мы приносили жертвы "священному" (по-язычески) для них, но отнюдь не "святому" (для нас) понятию собственности»[50].

Кроме того, отождествление римским частным правом действия юридически правильного с действием в любых случаях этически приемлемым дает князю Волконскому повод для упреков этой нормативной системы не просто в асакральности, но и в аморальности. Масла в огонь подливала и такая аксиологическая особенность римского права, как предпочтение «правового» действия действию «справедливому» (в тех случаях, когда между тем и другим проводилось различие). «У римлян явилась своего рода "правовая" формула – "summum jus summa injuria", т. е. высшее право есть высшая несправедливость. И, несмотря ни на что, они все таки настаивали на своем и говорили, доходя до полного безумия – с нашей, русской, точки зрения – "Fiat justitia pereat mundus" (пусть погибнет мир, лишь бы свершилось правосудие). Да кому нужно будет это "правосудие", если мир погибнет?! На этот простой вопрос римское право ответа не дало»[51]. Обрушиваясь на свободный от каких бы то ни было моральных оков юридический максимализм, князь Волконский попутно дает бой и отечественным адептам идеи «законность превыше всего». Любопытно, что в риторике, используемой при этом, проскальзывает порицание римского частного права как учения антигуманного по своей сути. «Наученные как канарейка с дудочки европейской премудрости наши западники готовы повторять, что "правосудие должно свершиться", хотя бы и "мир погиб от этого". Они не понимают, что ведь в этих якобы "правовых" положениях являет себя с оглушительным треском полное крушение изобретенной людьми человеконенавистнической системы римского права»[52]. Заметим, что в силу специфики консервативной антропологии, более чем скептически относящейся к предположению о добродетельности органических свойств человеческой натуры, жалоба на антигуманность римского права представляет в известном смысле раритет.

Римско-правовая проблематика не могла не преломиться сквозь призму одного из структурообразующих мифов консервативного сознания – теории заговора. Об этом красноречиво свидетельствует письмо, полученное князем Волконским. Адресат – публицист, не раз выступавший в праворадикальной печати на тему небезопасности римского права, – выговаривается за разглашение секрета иммунитета России от вестернизации. Оказывается, залогом неуязвимости является неподверженность национальной психологии тому всецело завладевшему сознанием среднего человека Запада «вирусу» юридического стиля мышления, чьи корни уходят в римское право. Корреспондент князя пишет дословно следующее: «До сих пор для иностранца Россия была сфинксом. Понять ее не могли, а не понимая, не могли они нанести нам тот вред, который им нанести желательно. Вы своими разъяснениями раскрываете святое святых русской души, указуя, с чего надо взяться, чтобы лишить русскую землю силы, ее охраняющей. Те ухищрения, которые были пригодны для устройства революций на Западе, оказались у нас негодными. Тогда руководители "революции" 1905 г. удивлялись, как это могло произойти. И вот теперь им дается ключ: русский народ не проникся еще в достаточной мере положениями римского права, поэтому, чтобы подготовить его к следующему решительному натиску революции, нужно привить ему римское право, провести в жизнь начала этого права с его "правовым порядком" и с отвратительным фарсом "высшее право есть высшая несправедливость"...»[53] Далее автор письма предрекает, сколь цепко ухватятся за ненароком выданную тайну закулисные силы, питающие смертельную вражду к почитаемому на Руси укладу жизни, пророча, что «в скором времени масоны поставят своей

[50] *Волконский М. Н.* Указ. соч. С. 3.
[51] Там же.
[52] Там же.
[53] См. там же. С. 4.

задачей насильно, посредством обучения молодого русского поколения началам римского права, внедрять в русский народ растлевающее влияние языческих, чуждых до сих пор нам понятий»[54].

Князь Волконский счел столь тревожные предположения чрезмерными. Но сами очерченные в письме масштабы угрозы, будто бы исходящей от римского права, преувеличенными им названы не были. Просто, утешает Волконский обратившегося к нему, масоны не так всесильны, чтобы заполонить все министерство народного просвещения. Что же касается допустимости гласного обсуждения вызова, несомого римским правом традиционным устоям, то, наоборот, именно ввиду серьезнейшей опасности надлежит «выяснять разницу между чаяниями, духом и верованиями русского народа и его западных соседей – для того, чтобы развивать и укреплять в России чисто русские начала, ибо ни в каких других, а тем более в языческом римском праве – мы не нуждаемся»[55].

Подводя черту под обзором бытующих в русском консерватизме дореволюционного периода точек зрения по поводу римского частного права, остановимся на отношении к нему К. П. Победоносцева. Этот вопрос имеет немаловажное значение ввиду того, что К. П. Победоносцев был единственным из консервативных идеологов, кто одновременно с этим являлся профессором юридического факультета Московского университета и автором фундаментального «Курса гражданского права». Помимо этого К. П. Победоносцев – человек, десятилетиями стоявший у кормил власти (сенатор, член Государственного Совета, обер-прокурор Святейшего Синода), – как никто из консерваторов обладал рычагами воздействия на законотворческие и правоприменительные процессы. Наконец, в качестве преподавателя законоведения будущим императорам Александру III и Николаю II он имел возможность непосредственно влиять на формирование правосознания у самих носителей верховной власти.

Ни в специально-юридических трудах К. П. Победоносцева, ни даже в его публицистике («Московский сборник») мы не найдем тех обличений римского частного права, которые позволяли себе некоторые из его единомышленников. Но, думается, объяснение этому следует искать не только в особой благорасположенности маститого охранителя к опыту римской юриспруденции. Сдержанность К. П. Победносцева проистекала также из его обязывающего к повышенной осмотрительности высокого должностного положения (политической культуре старой России было свойственно ставить знак равенства между публично высказываемыми таким лицом мнениями и официальной позицией правительства по данному вопросу). Эта осторожность усугублялась личностными особенностями К. П. Победоносцева, которому претили любые энергичные перемены, безотносительно к тому, от сторонника какой идеологии исходил призыв к штурму status quo. Отсюда – неодобрение К. П. Победоносцевым таких консерваторов, как К. Н. Леонтьев, кн. В. П. Мещерский, в чьих идеях он ощущал явственный привкус радикализма. В довершение всего, будучи высококвалифицированным цивилистом, воспитанным в духе уважения к римскому праву, он не мог подобно иным риторам консерватизма, не отягощенным грузом излишних юридических знаний, огульно оспаривать какие бы то ни было достоинства римского частного права. Только с учетом этих обстоятельств мы можем адекватно оценить действительную точку зрения Победоносцева на римское частное право.

Надо сказать, что в студенческие годы, на скамье Училища Правоведения, римское частное право как учебная дисциплина не слишком привлекало К. П. Победоносцева. На экзаменационных испытаниях он предпочитал отвечать на вопросы по этому предмету по-латыни (что тогда дозволялось), ибо такой метод помогал получить высокий балл даже при не более чем средней подготовке по существу самой темы. В дневнике семна-

[54] *Волконский М. Н.* Указ. соч. С. 4.
[55] Там же.

дцатилетнего правоведа читаем: «Отвечал из истории римского права о реформах Юстиниана, а из римского права о владении; вызывался по-латыни, и это спасло меня; иначе бы срезался, а теперь лишь сказал несколько слов, мне уже поставили 12» (запись 20 мая 1844 г.)[56].

Впоследствии римское частное право никогда не оказывалось в фокусе исследовательского внимания Победоносцева-ученого. Правда, каждой главе его «Курса гражданского права» предпослан сравнительно-правовой экскурс, в том числе показывающий, как данный институт нормировался римским частным правом. Но мы не находим здесь не только суждений о преимуществе римско-правовых принципов, но даже какого бы то ни было соотнесения российского законодательства с вариантами регулирования гражданских отношений, предлагаемыми римским, германским и французским правом.

Вообще, насколько можно предполагать, историко-компаративные справки понадобились К. П. Победоносцеву, убежденному противнику доктринального подхода к описанию правовых явлений и сторонника изучения юриспруденции едва ли не исключительно по законодательным источникам, чтобы избежать ссылок на те или иные бытующие на тот момент цивилистические теории. По справедливому замечанию А. Нольде, преобладающая на тот момент историческая школа права, «разрабатывающая мысль Савиньи, что право есть явление историческое, что сложилось оно путем медленного и постепенного процесса, что корни современного надо искать в далеком прошлом, должна была оказать на К. П. Победоносцева тем более сильное влияние, что вполне соответствовала она его личным воззрениям»[57]. Не случайно, что именно сочинение Савиньи «System des heutigen rumischen Rechts» Победоносцев решается рекомендовать «еще не испробованному в практической деятельности» начинающему юристу для усвоения применяющихся в нем подходов исследования права[58].

Римско-правовая проблематика не покинула дискурс идеологов русской правой мысли и в послереволюционном изгнании. В этой связи обращает на себя внимание позиция, обозначенная Н. Е. Марковым, некогда возглавлявшим Союз русского народа и бывшим издателем «Земщины». Крайне правому политическому кредо Марков в качестве председателя Высшего монархического совета остался верен и в эмиграции. Статье, вышедшей в 1923 г. из-под его пера (и разбираемой ниже), были предпосланы строки из Послания апостола Павла к римлянам: «А Израиль, исполнивший праведности законы, не достиг закона праведности, потому, что искали не в вере, а в делах закона, ибо преткнулись о камень преткновения» (Гл. IX. 31. 32). Таким образом, уже сам эпиграф подсказывает, с какой стороны существовало намерение затронуть римско-правовые сюжеты. И, действительно, Марков развивает давно знакомую оппозицию «закона» и «правды», выдвигаемую правовой идеологией русского консерватизма едва ли не со времен Хомякова, Киреевских и Аксаковых. Очень многое из того, что им в этой связи говорится, хорошо известно по взглядам тех, кого деятели крайне правой позиции считали своими идейными предтечами. Так, находит суровое осуждение правосознание, воспитанное на римском праве. Бичуется формализм этого правосознания, предпочтение буквы закона его духу.

Вслед за славянофилами подчеркивается, что успешность поддержания правопорядка в странах, где доминирует такое правосознание, обусловлена лишь страхом перед принуждением к исполнению норм законов и перед наказанием за их неисполнение. Стоит только карательным мерам отойти на задний план, как законность, соблюдение которой зиждется на страхе, терпит фиаско[59].

---

[56] *Победоносцев К. П.* Для немногих. Отрывки из школьного дневника 1842–1845 гг. СПб., 1885.

[57] *Нольде А., барон.* Обзор научной юридической деятельности К. П. Победоносцева // ЖМНП. Новая серия. X. (1907. № 8). Отд. 4. С. 97.

[58] *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. М., 1868. Т. 2. С. 220.

[59] *Марков Н. Е.* Православный легитимизм // Высший монархический совет: Еженедельник. 1925. № 134. С. 3.

Вслед за славянофилами указывается, что такой подход к праву означает безусловный отказ от эмоционально-нравственного измерения человеческих поступков («душа», «совесть»). Поскольку же именно через эти каналы происходит общение человека с миром теистических ценностей, то такое правосознание в своих конечных выводах ведет к отречению от Бога, а потому оно не может не быть отринутым православным пониманием права[60].

Наконец, вслед за славянофилами Марков противополагает юридический идеал западных народов («право») морально-юридическому идеалу русского народа («правда»). Ведь еще Иван Киреевский настаивал, что в России, «никакое частное разумение, никакое искусственное соглашение не могло основать нового порядка, выдумать новые права. Даже самое слово: *право* было у нас не известно в Западном его смысле, но означало только справедливость, *правду*. Поэтому никакая власть никакому лицу, никакому сословию не могла ни даровать, ни уступить никакого права, ибо правда и справедливость не могут ни продаваться, ни браться. Но существуют сами по себе, независимо от условных отношений». На Западе, напротив, «все отношения общественные основаны на условии или стремятся достигнуть этого искусственного основания. Вне условия нет отношений правильных, но является произвол. Все силы, все интересы, все права общественные существуют там отдельно, каждый сам по себе и соединяются не по нормальному закону, а – или в случайном порядке, или в искусственном соглашении. Поэтому общественный договор не есть изобретение энциклопедистов, но действительный идеал, к которому стремятся все западные общества под влиянием рационального элемента, перевесившего элемент христианский»[61].

Спустя столетие читаем у Маркова: «Наше православное сознание, всегда столь чуткое и отзывчивое на запросы совести, исстари сознавало законность не как *правоюстицию* в римском смысле, а как *правду* в смысле религиозно-нравственном. Не случайно древнейшее уложение русского законодателя именовалось "Русская Правда"...»[62]. Как вытекает из последующих рассуждений, «правда» это – применение морально-религиозных императивов к разрешению событийных коллизий, носящих по своей сути юридический характер. Что означает если не текстуальное воплощение этих императивов в позитивном законодательстве, то во всяком случае признание за ними высшего значения сравнительно с позитивными нормами, а также и возможности непосредственной регуляции (хотя бы она будет contra legem).

В подчеркнутом разделении права и морали, сопряженном с требованием примата правовой нормы в тех сферах, которые подверглись юридической регламентации, Марков, как и другие консерваторы, усматривает главное зло, посеянное римским частным правом. «Мы решительно возражаем против присвоения человеческому закону непререкаемого божественного значения и утверждаем, что право человека всегда должно подчиняться Правде Божией. Правовая норма – это предел, мера, ограда, запрет, угроза. Это необходимое орудие быта и общежития, это средство размежевания себялюбия и корысти. В основе всякого права лежит неверие в человека и недоверие к его доброй воле и честной совести. Человеческое право не указывает, где добро, а где зло, оно различает лишь законное от незаконного, дозволенное от недозволенного. Нет и не может быть закона, предписывающего творить добрые дела или повелевающего совершать добровольное самопожертвование. Если я пройду мимо умирающего с голоду и не покормлю его, если я не брошусь в воду и не спасу утопающего, – я не нарушу закона и человеческое право меня не покарает. Но, поступив так, поступлю ли я по совести, по правде? Конечно, нет. Совесть и правда выше и духовнее права, а потому требовательнее, чем

[60] *Марков Н. Е.* Указ. соч. С. 3.
[61] *Киреевский И. В.* В ответ А. С. Хомякову // Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 195–196.
[62] *Марков Н. Е.* Указ. соч. С. 3–4.

закон. Правда возносит дух на высоты самоотречения и подвига, а право стелется в низинах материальных отношений и соревнований эгоизмов»[63].

Как видим, подобно славянофилам, противником сепарирования «юридического» и «морального» Маркова заставляют быть два соображения – прагматическое и метафизическое. С одной стороны, боязнь далеко не безвредной для социального порядка легализации множества проявлений безнравственности (не зря же и в обыденном словоупотреблении понятие «аморализм» выступает в качестве аналога понятия «антиморализм»). К тому же нужно иметь в виду, что вследствие глубоко свойственного консервативной идеологии этатизма понятие «*оправданное с моральной точки зрения, но юридически не санкционированное*» здесь часто отождествлялось с понятием «*оправданное с точки зрения государственного блага, но юридически не санкционированное*». С другой стороны – обособление права от морали представлялось консерваторам кощунственным признанием полной автономии человека в известных областях своей жизнедеятельности от богоустановленных правил.

Марков сопоставляет три подхода к праву, отображающие «вековечный спор Правды Божией с правом человеческим».

Первый подход – правопонимание древнеримское. «Все здесь отдавалось сухой бесчеловечной правовой норме – "был бы закон, а там пусть погибнет мир" – и ничего Правде Божией»[64].

Второй подход – производное от древнеримского правопонимание современного Запада (воплощавшегося для правых в образе Англии). Английский народ некогда горделиво возглашал: «Бог и мое право». В результате «Бога англичане оставили, но право свое от него отделили, и вот Бог у них бесправен, а право безбожно»[65].

Третий подход – правопонимание русское. В качестве примера того, как трактуются здесь истоки и природа права, приведены строки, начинающие царский Манифест о Крымской войне: «Разумейте языци, яко с нами Бог». Такое правопонимание, пишет Марков, есть «полная противоположность безбожному римскому легитимизму и такая же крайность, хотя и в обратном направлении – там одно человеческое право; здесь одно Право Божие»[66].

Констатируя полярность римской и русской парадигм восприятия права относительно друг друга и признавая, что ни одна из них не являет собой оптимума, Марков, как и можно было предположить, в итоге отдает предпочтение русскому правопониманию. «Хотя и там и здесь крайность, но языческий крайний легитимизм пригибал человека к мертвящему буквоедству и высушивал живую душу кляузой и казусом, русский же крайний мистицизм увлекал на высоты духовного совершенствования, стремления к жизни по образу и подобию Божию. Но, как известно, чем выше подъем, тем глубже падение. Но правильно ли делать отсюда вывод, что не надо было стремиться ввысь? Нет!»[67].

При всей преемственности суждений лидера крайне правых с предшествующей идейной традицией, не обошлось и без известных корректив. Их внесла эволюция, произошедшая в течение шести десятилетий с отечественной консервативной мыслью. Некоторые из новационных моментов были указаны выше. Они, в частности, сказались в появлении параллели между холодной формальностью римско-правового сознания и возведенного на нем правосознания современного Запада и изуверской жестокостью правосознания талмудического. Марков писал: «Римские иудеи, к которым обращался апостол Павел, были не только иудеи, но и римляне, и потому вдвойне стояли за Закон и законопослушание, а не за праведность и не за Правду; за субботу, а не за человека. Христиан-

[63] *Марков Н. Е.* Указ. соч. С. 4.
[64] Там же.
[65] Там же.
[66] Там же.
[67] Там же. С. 4–5.

ство сурово осуждало и римскую сверх-юстицию, презиравшую человечество, и талмудическое законопослушание, превращавшее писанный закон в идола для поклонения»[68]. С другой стороны, человек, переживший революцию и гражданскую войну и имевший возможность лично испытать, каков вкус плодов неуклонного презрения к праву и законности, чувствует неведомую его предшественникам потребность осудить правовой нигилизм как таковой и, в частности, предрасположенность к нему русского народа. «Свойство русского духа противопоставлять и предпочитать делание по совести деланию по закону, конечно, всегда было чревато опасностями. Так, на наших глазах неуважение к закону и увлечение правдой, ложно понятой и дурно воспринятой, привело Россию к большевичеству. Наученные горьким опытом революционного беззакония, мы весьма далеки от какого-либо неуважения, тем более отрицания закона»[69].

Стараясь отыскать срединный путь, встав на который можно будет и преодолеть изъяны формальной законности (тема, разрабатываемая так или иначе чуть ли не каждым консервативным автором дореволюционной России), и предотвратить кошмар доведенного до своего логического завершения правового нигилизма (тема совершенно новая для русского консерватизма), Марков приходит к концепции «христианского легитимизма». Отталкиваясь от слов апостола Павла из «Послания к Коринфянам», гласящих, что Христос «дал возможность быть служителями Нового завета, не буквы, но духа: потому что буква убивает, а дух животворит», Марков определяет «истинно христианское отношение к закону» как позыв к жизни по совести, т. е. в согласии с Божественным заветом. Вместе с тем, чем более человек поглощен достижением этой цели, тем больше он должен страшиться упустить из виду все, что может помешать ему в этом. Он должен памятовать про «зияющие бездны и провалы и заботливо ограждать свой путь надежными оградами, сохранять прочные мосты, ставить дозорные караулы». Раскрывая использованную метафору, Марков поясняет, что шествие народа «к Правде Божией на земле должно быть ограждено правовыми законами и разумными мерами попечения и управления – тогда человеческое право сознательно и добросовестно ограждает народ на его высоком пути»[70].

Встает неизбежный вопрос: как согласовываются все те филиппики, которые были разобраны нами выше, с также имевшими место комплиментарными отзывами консерваторов о римском частном праве?

Далеко не негативное, например, отношение к римскому частному праву демонстрировал приват-доцент юридического факультета Санкт-Петербургского университета Б. В. Никольский – видный деятель консервативного Русского Собрания, крайне правого Союза русского народа и одновременно известный юрист-романист. Сопоставляя язык древнейшей кодификации римского права («Законы XII таблиц») с языком древнейшей кодификации права русского («Русская Правда»), он постулирует, что «язык справедливости везде один и тот же»[71]. Как мы помним, сравнение этих кодификаций в большинстве случаев вызывало у консерваторов диаметрально противоположные ощущения.

Не ограничившись данным указанием, Б. В. Никольский настаивает на общности мировоззрения «предков Катона» и «детей Ярослава», противопоставляя ему схоластику теорий, созидаемых «современными учеными-романистами, верующими или скептическими учениками немецкой науки права»[72]. Этот пассаж проливает свет на причины благосклонности Никольского к римскому частному праву. По существу, делая акцент на схожести древнерусских и древнеримских добродетелей, не испорченных позднейшей цивилизацией и заслуживающих потому не только углубленного изучения, но и равного

[68] *Марков Н. Е.* Указ. соч. С. 5.
[69] Там же.
[70] Там же.
[71] *Никольский Б. В.* Система и текст XII таблиц. СПб., 1897. С. 285.
[72] Там же. С. 286.

уважения, он тем самым примиряет область своих специальных занятий и исповедуемые им же идеологические пристрастия.

Как видим, Б. В. Никольский предъявляет сугубо идеологические по своей природе основания, ввиду которых римское частное право (подчеркнем, речь шла главным образом о праве архаического периода, в меньшей степени подверженного нападкам со стороны консерваторов) достойно внимания исследователя, желающего вместе с тем быть истинно русским человеком. Напротив, исследователей, принадлежащих либеральному лагерю (которые в глазах Никольского могли считаться русскими учеными лишь в силу подданства и издания своих работ на соответствующем языке), римское частное право манило к себе лаврами родоначальника права современной Европы – права, по убеждению либералов, безусловно передового по отношению к отечественному законодательству.

Встречаются и куда более звучные, чем у Б. В. Никольского, обоснования римского частного права, принадлежащие авторам, чья консервативность никак не может быть оспорена. Так, товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, князь Н. Д. Жевахов патетически пишет про два «величайшие создания арийского гения»: христианскую религию и римское частное право, «сочетавшиеся впоследствии друг с другом»; повествует, что «счастье римского гражданина было в том, что императорская власть Августа и Тиберия, хотя и не помазана Богом, все-таки служила добру, водворяя везде законность и справедливость», и что «сам апостол Павел гордился своим званием римского гражданина»[73]. Казалось бы, мы слышим нечто, решительно перечеркивающее все, что было возведено на римское частное право С. К. Глинкой и кн. М. Н. Волконским. Но нельзя забывать, что воспоминания Жевахова увидели свет в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев в конце 20-х гг. XX в. Понятно, что на тот момент когда-то злободневная проблема парламентарного вырождения самодержавия, в том числе из-за массированной адаптации римско-правовых принципов (в том виде, какой им был придан европейской цивилистикой XIX–XX вв.) – оказалась снятой с повестки дня. Крушение царизма диктовало ныне оказавшимся в эмиграции идеологам монархизма задачу концептуального оправдания монархии как таковой, и в этом контексте римское частное право могло служить великолепным подтверждением тезиса о благодетельности монархического правления (и особенно обширных империй) для подвластных народов.

К тому же, подобно публицистам «Земщины», в изображении Н. Д. Жевахова римское право совсем лишено качеств самодостаточности и самоценности. Никто из них не осуждал (или осуждал) римское частное право в связи с наличием (или отсутствием) в нем механизма эффективного нормирования имущественных отношений. Имплицитно содержащееся в высказываниях С. К. Глинки, кн. М. Н. Волконского, кн. Н. Д. Жевахова соотнесение римского права с такими ценностными категориями, как «арийский характер» и «христианский характер», свидетельствует об идентичности структуры их правопонимания. Другое дело, что реалии 10-х гг. и 20-х гг. заметно отличались друг от друга. Тогда анафемствование римского права было одним из инструментов идеологического противодействия консерваторов буржуазному перерождению русской монархии. Сейчас хвала, воздаваемая тому же римскому праву, понадобилась консерваторам для вящего возвеличивания монархического строя, способного приносить пребывающему под его скипетром населению такие дары. В аргументационном плане перемена «минуса» на «плюс» исчерпалась установлением позитивной связи между римским частным правом и категориями «арийственности» и «христианственности».

Таким образом, и цели и средства «улучшившегося» отношения к римскому частному праву говорят в пользу конъюнктурного, а не сущностного, характера свершившейся метаморфозы. Н. Д. Жевахов ни на йоту не отступился от практиковавшейся консерваторами *методологии* восприятия римского права. Ее суть заключалась в прямой зависимости суждений о римском частном праве от текущих идеологических потреб-

[73] *Жевахов Н. Д.* Воспоминания. М., 1993. Т. 2. С. 269.

ностей. Последние предопределялись соотношением между отстаиваемыми консерваторами социально-политическими и культурными ценностями и конкретной исторической ситуацией.

Конечно, на взгляд человека наших дней, иные из коннотаций, присваиваемых римскому частному праву (и рассмотренных в настоящей статье), могут показаться надуманными. Но все же в одном следует отдать должное консерваторам – направление главного удара ими было избрано верно. Рациональный и секуляризованный подход к окружающей действительности, к социальным, политическим и юридическим институтам был убийствен для всего того, что М. Вебером было названо «традиционным типом властвования». И римское пандектное право не могло не стать в условиях пореформенной России провозвестником (и одновременно концентрированным выражением) такого стиля мышления.

Атакуя те или иные черты, усмотренные в римском частном праве западного образца, по большому счету, консерваторы метили не в него, а в объект, соотносящийся с римским правом, как общее соотносится с частным. Истинной мишенью нападок было то, что принято называть собирательным понятием «Запад». В победе римского пандектного права – как целостного мировоззрения, определяющего не только те или иные частности юридического быта, но и весь порядок межчеловеческих отношений, – консерваторы резонно видели залог триумфа западного типа цивилизации в России. Согласно их небеспочвенному предчувствию римское частное право было тем «средством», которое, в случае если Россия к нему приобщится, неминуемо повлечет за собой достижение «цели» – крушение традиционных социальных, политических и культурных форм. Полагая эти формы не исторически преходящими этапами, а квинтэссенцией национальной самобытности, консерваторы, как было показано, считали своим долгом по мере сил бороться с духом римского частного права – «троянским конем» западной цивилизации, противодействовать проникновению его парадигм в коллективное правосознание русского общества. Реально эта борьба была направлена не против самого древнеримского права, а против его интерпретации западными романистами в духе апологетики абсолютной частной собственности, однако русские консерваторы сами не всегда отчетливо понимали это.

Вместе с тем необходимо отметить, что некоторые консерваторы, подобные Б. В. Никольскому, различали собственно римское право и его интерпретацию западными романистами, в частности немецкими, создавшими особую систему heutiges rumisches Recht. Они справедливо относили неумеренную абсолютизацию принципа частной собственности именно к современному им немецкому пандектному праву. В то же время основы римско-византийского публичного права, как правило, не подвергались нападкам со стороны консерваторов. Более того, именно в их кругах развивалась идея «Москва – третий Рим», согласно которой Россия стала наследницей Древнего Рима. Однако этот сюжет станет предметом уже следующей статьи.

A. S. KARTSOV

DIRITTO ROMANO PRIVATO NELLO SPECCHIO DELL'IDEOLOGIA DEL CONSEVATORISMO RUSSO

(RIASSUNTO)

Nell'articolo è esaminata la percezione di diritto romano dalla tradizione russa dei conservatori (periodo prerivoluzionario).

Sul materiale delle opere degli eminenti ideologi del conservatorismo russo, nonché delle pubblicazioni nei periodici dei conservatori, vengono dimostrate le manifestazioni concrete della malevolenza nutrita dalla destra nei confronti del diritto privato romano e vengono rivelate le cause di essa.

Risulta che il conservatorismo russo vedeva nel diritto romano privato un promotore efficiente

della civiltà di tipo occidentale. Già all'epoca di Nicola I, nella fazione dei conservatori si sentivano voci di protesta contro l'influenza unificante della romanizzazione degli istituti giuridici nazionali, che minava la volontà della nazione, limitandone la capacità di elaborare in maniera autonoma l'ambito giuridico. Gli slavofili, per primi, hanno contrapposto la gnoseologia e l'assiologia della coscienza giuridica ortodossa e russa a quella europea, basata sul diritto romano. In seguito, gli ideologi del conservatorismo individuarono il legame del diritto romano con una serie dei fattori ostili al modo di vita tradizionale dello Stato e della società russi. I conservatori, che difendevano le forme politiche (autocrazia con tutte le procedure e tutti gli istituti di essa tipici) e sociali (comunità contadina) tradizionali, non potevano non vedere nei giuristi educati sulla base del diritto romano privato i nemici naturale di entrambe le cose.

Viene esaminata la tesi dei conservatori, secondo cui il diritto romano privato, con il suo culto per individuo economicamente autonomo e per la sua libertà nel disporre della proprietà, si sarebbe presentato profondamente aliena alla mentalità al popolo russo.

Si esaminano, infine, le proposte avanzate dai conservatori per purificare il diritto russo da assimilazioni dal diritto romano, nonché le misure invocate da essi per neutralizzare l'influenza nociva del diritto romano privato nella struttura dell'istruzione giuridica superiore.

In conclusione l'A. sostiene che:

1. L'essenza della *metodologia* della percezione, che i conservatori avevano del diritto romano, consisteva nella dipendenza diretta delle opinioni circa il diritto romano privato dalle necessità ideologiche del momento. Le ultime erano predeterminate dal rapporto tra i valori socio-politici e culturali difesi dai conservatori e la situazione storica concreta.

2. Le idee della coscienza conservatrice intorno al diritto romano includevano, praticamente, tutti i miti tradizionalisti fino alle varie interpretazioni della xenofobia e della teoria del complotto.

Così, lo studio di questo problema permette, non solo di precisare le caratteristiche dell'ideologia del conservatorismo russo, ma anche di capire meglio i tratti culturali e socio-filosofici della percezione che si aveva in Russia del stesso diritto romano.